

НАСЛЕДНИКИ МАРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ И СУДЬБА ЖАНРА ЛЭ В КОНЦЕ XII – НАЧАЛЕ XIII в.

Статья посвящена той традиции французского лэ, которая складывается под непосредственным влиянием творчества Марии Французской. В первой части анализируются конституирующие жанр лэ черты, которые он приобретает к началу XIII в. под пером анонимных авторов-эпигонов Марии Французской, которая во второй половине XII в. создала сборник из двенадцати лэ. Вторая часть представляет одно анонимное лэ как образец пародийного осмысления жанра и его попытку обновления.

Ключевые слова: Мария Французская, анонимное лэ, Артур, бретонцы, жанр, пародия, речь Другого.

Авторы анонимных лэ, созданных в конце XII – начале XIII в. по большей части подражают Марии Французской и ее сборнику «Лэ». Благодаря их произведениям жанр лэ складывается, обретая очерченные контуры: это характерный бретонский хронотоп с соответствующими топонимами и упоминаниями бретонцев, а также характерные сюжетные элементы¹.

В анонимных лэ мы то и дело встречаем бретонцев, которые, как в лэ Марии, «сложили это лэ» («frent le lai»). Так, если верить эпилогу лэ о Граэлане, лэ было создано бретонцами: «un lai en firent li Breton»², а приключение Граэлана (здесь анонимный автор использует ключевой для лэ Марии и для жанра лэ термин «авантюра»), «рассказывалось по всей Бретани» («fu par tote Bretaigne oïe»)³; при этом, главное действующее лицо в лэ – рыцарь Граалан – бретонец по рождению: «Graelens fu de Bretons nés»⁴. В еще одном анонимном лэ – лэ о боярышнике, мы также встречаемся с

главным героем – выходцем из Бретани, а в эпилоге читаем обычную для лэ ссылку на бретонцев. Главный герой лэ «Желанный», отправляясь в Бретань, движется по тому же пути, который избрал Милон в одноименном лэ Марии Французской:

Hastivement est mer passé;	Без промедления переплыл он море,
En Normendie conversa,	жил в Нормандии,
Et en Bretaingne turnoia ⁵ .	посещал турниры в Бретани.

В лэ о рыси удивительное приключение происходит в Бретани, а в эпилоге мы вновь находим характерную ссылку на бретонцев; лэ о Набарце, должно быть, самое короткое из всех лэ, «было создано в Бретани», «en Bretagne fu [...] fet»⁶.

Что касается героев анонимных лэ, это те же рыцари, короли и дамы, которыми наполнены «Лэ» Марии. Король Артур, который, напомним, у Марии Французской появляется лишь однажды (в лэ о Ланвале), здесь персонаж несравненно более частый.

В анонимных лэ встречаются те же сюжетные мотивы и схемы, которые характерны для «Лэ» Марии. Так, в лэ «Мельон» среди персонажей фигурирует король Артур, окруженный славными рыцарями, в числе которых и герой нашего лэ – рыцарь Мельон. Однажды рыцарь направляется в лес и встречает там молодую девушку, – подобно тому, как Ланваль встретил свою «фею». Анонимному автору, в отличие от Марии, присуща любовь к географической точности и он указывает, откуда прибыла юная красавица – из Ирландии. После множества приключений и исчезновения девушки (как в «Ланвале»), главный герой превращается в волка, что сближает данное лэ уже с другим лэ Марии – «Биславре» – лэ о рыцаре-оборотне.

В анонимном лэ «Тидорель» мы еще раз встречаем короля – правителя Бретани; он живет в Нанте. В Нанте разворачивается и действие лэ Марии «Несчастный»⁷. В лэ «Доон» действие происходит сначала в Шотландии, где живет девушка, прекрасная, куртуазная и гордая своими богатствами. Ссылка на бретонцев дается в прологе:

Doon, cest lai sevent plusor:	Многие знают лэ о Дооне,
N'i a gueres bon harpeor	любой хороший арфист сыграет его,
Ne sache les notes harper;	я же хочу рассказать вам о приключении,
Mes je vos voil dire et conter	которое бретонцы назвали
L'aventure dont li Breton	«лэ о Дооне».
Apelerent cest lai Doon ⁸ .	

В эпилоге же сказано: «furent les notes li Breton / du lay c'om apele Doon»⁹. Протагонист лэ, рыцарь Доон, живет в «заморской Бретани»:

«en Bretaignedela la mer»¹⁰, иначе говоря, на континенте. Он женится на девушке, которую вынужден оставить тотчас после женитьбы; их сына отправляют к королю Франции, дабы тот посвятил его в рыцари, и сын смог позднее – уже в этом качестве – принимать участие в турнирах, сражаясь с бретонцами. Сражения бретонцев описаны здесь как рыцарские (явный анахронизм), – точно так же, как и в лэ Марии:

<p>Au Mont Saint Michiel en Bretaingne Ala li vallez tornoier; As Bretons se volt acointier¹¹.</p>	<p>Он собирался участвовать в турнире на Монт-сен-Мишель, желая сразиться с бретонцами.</p>
---	---

То же упоминание турнира на Монт-сен-Мишель мы встречаем в лэ Марии «Милон» (здесь сын и отец порознь пересекают море, чтобы отправиться в Бретань на турнир, происходящий, как и в «Дооне», в Монт-сен-Мишель). Есть в обоих лэ и мотив кольца, по которому отец узнает своего сына во время боя с ним.

В анонимном лэ «Граэлан» фигурирует королева, которая, как и в «Ланвале» Марии Французской, предлагает рыцарю свою любовь. Те же сюжетные элементы присутствуют в лэ «Гингамор», также анонимном: Бретанью правит некий король; королева предлагает свою любовь его племяннику.

Иногда авторы лэ «облагораживают» жанр, сближая его с произведениями ученой словесности: они настаивают на «правдивости» повествования (порой так поступала и Мария Французская, – например, в лэ «Жимолость») и одновременно пишут о книжном происхождении этого жанра. Так, в эпилоге лэ «Тидорель» автор заявляет: «Cest conte tienent a verai / li Breton qui firent le lai»¹². Лэ о Тиолете, начинается с пролога, в котором анонимный автор объясняет процесс и механизмы создания лэ:

<p>Aventures beles trovoient Qu'ils disoient et racontioient. A la cort erent racontees, Si comme elles erent trovees; Li preude clerq qui donc estoient Totes escrire les fesoient. Mises estoient en latin [...] Or sont dites et racontees, De latin en romanz trovees...¹³</p>	<p>Они [рыцари] смело находили приключения, О которых впоследствии рассказывали и повествовали. При дворе об этих приключениях говорилось так, как они и случились на самом деле. Ученые клирики тех времен записывали их на пергамене, переводя на латинский язык. Ныне мы находим переложения этих рассказов на романский язык.</p>
---	---

Мария Французская, напротив, противопоставляла в общем прологе к сборнику «Лэ» переводы с латыни и лэ, восходящие к устным рассказам; таким образом, свидетельства двух средневековых авторов о процессе создания лэ расходятся. Анонимный автор лэ, в отличие от Марии, пытается описать лэ в терминах ученой куртуазной культуры, хотя и делает это не вполне логично и последовательно. С одной стороны, согласно ему, старофранцузские лэ оказываются переложениями латинских рассказов клириков; с другой, – рассказами, которые сочиняли бретонцы, причем в последнем случае трудно понять, имеются в виду устные или письменные повествования.

Как и в других лэ, здесь также задаются параметры характерного бретонского хронотопа:

Jadis, au tens qu'Artur regna,	Некогда, во время правления Артура,
Que il Bretaingne governa	Который управлял Бретанью,
Qui Engleterre ert apelee... ¹⁴	Тогда носившей имя Англии.

Ниже автор создает портреты храбрых и прославленных рыцарей, странствующих ночами в поисках приключений; он не забывает упомянуть ни ключевое для складывающегося жанра лэ слово «авантюра», ни о бретонцах – творцах и создателях лэ («Bretons en firent lais plusors»¹⁵).

Таким образом, уже к началу XIII в. жанр лэ как бы застывает, обретая ясные и, по-видимому, хорошо узнаваемые читателями признаки: краткую повествовательную форму, сказочный бретонский хронотоп, короля Артура и бретонцев в качестве протагонистов и создателей лэ.

Процесс формирования жанра лэ сопровождается появлением пародийных текстов, в которых характерные жанровые признаки остраются, переосмысляются, помещаются в новый контекст. О таком переосмыслении жанра свидетельствует, в частности, анонимное лэ «Развратник».

Это лэ, насчитывающее сто двадцать две строки и написанное парным восьмисложником, дошло до нас в одной рукописи, хранящейся в Парижской Национальной Библиотеке и обозначаемой сиглой S: BN. Nouvelles acquisitions fr. 1104, 43r-43v. Эта рукопись, детально описанная Гастоном Парисом¹⁶ и содержащая, помимо девяти лэ Марии, семь анонимных бретонских лэ (*Graalant* (f° 72 b), *Guingamor* (f° 23 b), *Desirré* (f° 10 c), *Tydorel* (f° 45 d), *Tyoulot*¹⁷ (f° 15 c), *l'Espine* (f° 27 c) и *Doon* (f° 33 a), является настоящим собранием лэ, самым богатым из трех, сохранившихся до наших дней¹⁸.

Манускрипт S содержит в общей сложности тексты двадцати четырех лэ, из которых большинство принадлежат Марии Французской; «Развратнику» предшествует лэ об Эквитане (f° 43d), следом за ним идет лэ «Ясень» (f° 39 d) – оба, как известно, написаны Марией. Каждое лэ в манускрипте начинается с красной рубрики «C'est le lay de...», «Это лэ о...» и иногда сопровождается маргиналией, оставленной сcribeм для иллюстратора («gubrique d'attente»). Мы так подробно останавливаемся на этих палеографических деталях потому, что в случае интересующего нас лэ слово «развратник» зачищено и с трудом поддается прочтению; то же слово зачищено в «gubrique d'attente» внизу фолио 43¹⁹. Не потому ли, что это название – «Развратник» – не соответствовало истинному содержанию лэ и сам переписчик (или средневековый читатель) хотел заменить его на другое, само собой подразумевающееся: «faisons du con le lai novel...»²⁰, «сочиним новое лэ о п...», – название, которое, к тому же, зашифровано в следующем ниже придаточном предложении «C'on...»²¹?

Гастон Парис, издавая это лэ, писал, что «поэт хочет вызвать улыбку, а не хохот, который провоцируют obscene фавлио»²². По мнению Ш.Х. Ливингстона, это лэ есть не что иное, как «циничная шутка по поводу истинных источников рыцарского вдохновения»²³; Филипп Менар полемизирует с «критиками, злоупотреблявшими термином пародия»²⁴, и считает, что здесь «мы находимся на границе между лэ и фавлио»²⁵.

На наш взгляд, в данном случае есть все основания полагать, что перед нами пародия на сам жанр бретонского лэ, сконструированный Марией Французской и ее анонимными подражателями.

Известно, что категория жанра не всегда применима к средневековой литературе. Однако рассматривая нами рукопись показывает, что в это время корпус лэ воспринимается как собрание текстов, обладающих определенными, хорошо узнаваемыми чертами, иначе говоря, – как литературный жанр: не случайно переписчик манускрипта S подчеркивает, что его рукописный сборник состоит из одних только лэ, – более того, лэ бретонских: вверху первого фолио манускрипта мы читаем: «Ci commencent les lays de Breteigne», «Здесь начинаются бретонские лэ»; концовка сборника гласит: «explicit les lays de Breteigne» (f° 79 c) (хотя, как резонно замечает Г. Парис, в их числе есть и такие, что не имеют ничего бретонского – например, лэ об Аристотеле)²⁶.

Даниэль Пуарьон различает три типа анонимных лэ. Одни из них – сказочные, их действие происходит в Бретани; в них встречаются сверхъестественные персонажи (например, феи в «Граала-

не», «Гингаморе» и «Желанном») или рыцари, пришедшие из потустороннего мира («Тидорель», «Тиолет», «Терновый куст»). Другие – дидактические, и Бретань здесь становится только декором («Рысь»); наконец, третьи – бурлескные («Развратник»)²⁷.

Р. Брюзеган даже говорит о бретонской «этикетке» шуточных лэ: «престиж, которым обладали лэ, способствовал тому, что к XIII веку авторы или исполнители, желающие обезопасить себя от плохих жонглеров и дурных сказителей, облагораживали свои рассказы, прилаживая к ним эту этикетку. По этой же причине в прологах шуточных лэ они продолжали ссылаться на бретонцев»²⁸.

В «Лэ о развратнике» речь идет о том, что самые прекрасные дамы и девицы бретонского происхождения собираются на праздник и рассказывают о славных подвигах и достойных деяниях рыцарей. Согласно существующему обычаю, из этих рассказов об авантюрах слогали лэ, чтобы увековечить приключения и, положив на музыку, исполнять в разных странах и государствах. Одна из восьми дам задается вопросом, ради чего рыцари совершают столь славные подвиги, участвуют в турнирах и сражениях, идут на безумства и безрассудные поступки, ухаживают за дамами, дарят им кольца, целуют и обнимают. Она находит причину такого поведения мужчин – п... и предлагает сочинить о ней новое лэ. Ее предложение встречает всеобщее одобрение.

Как мы уже отметили, ссылки на Бретань и бретонцев являются характерной чертой, визитной карточкой всех лэ Марии Французской, ровно как и многих анонимных лэ. Лэ о развратнике имеет очень сильную бретонскую «окраску»: кроме традиционных ссылок на бретонцев («*Jadis a Saint Pantalion, / ce nos racontent li Breton*», vv. 1–2), бретонцы, точнее бретонки, «цветки Бретани»²⁹, являются главными героинями данного лэ. Такое обозначение бретонков, надо думать, иронично подчеркивает их благородство.

Между «Развратником» и лэ Марии Французской много сходства. Второй стих «Развратника» («*ce nos racontent li Breton*») дословно повторяет последний стих «Ланваля». Пролог к «Развратнику» (vv. 1–36) является своего рода резюме пролога, который Мария Французская предпосылает «Эквитану» (vv. 1–8); ссылка на истинность повествования в «Развратнике»: «*sachois ce est la veritez*» (v. 30) перекликается с подобной ссылкой в «Жимолости»: «*que la verité vus en cunt*» (v. 3). К тому же, анонимный автор заявляет, что бретонцы играют мелодию этого лэ на виоле, арфе и роте: «*savoient de note / en vièle, en harpe et enrote*» (vv. 33–34). Это заявление очень близко к тому, что делает Мария в своем первом лэ, «Гижмапе»: «*que hum fait en harpe et en rote; / bone en est a oïr la*

note» (vv. 885–886). Обратим внимание, что анонимный автор сохраняет и рифму Марии Французской: «note–rote».

Что касается структуры «Лэ о развратнике», она сильно напоминает структуру «Жимолости». Действительно, оба текста рассказывают нам не само лэ, но процесс его создания: «coment fu fez, de quei e dunt» («как оно было создано, о чем и по какой причине», – как говорит в прологе к «Жимолости» Мария). Читатель, таким образом, участвует в самом процессе создания лэ его героями: Тристаном – в случае «Жимолости», бретонками – в случае «Развратника»; сам текст лэ, однако, и в первом, и во втором случае отсутствует, и оба лэ являются скорее историями создания лэ, если угодно, мета-лэ.

Что касается стиля и словаря «Лэ о развратнике», до девяностого стиха – то есть до момента появления истинного героя лэ – автор подражает возвышенному и благородному языку лэ Марии, как бы сказал М.М. Бахтин, стилизует *речь Другого*, используя весь специфический куртуазный словарь «Лэ», – слова и словосочетания «благороднейшие и прекраснейшие дамы», «возлюбленные и любимые», «благородные рыцари», «авантюры», «благородный», «куртуазный», «доблестный и честный», «чудесный», «обнимать», «целовать»³⁰ и т. д., не позволяя себе ничего лишнего, ничего обшечного. Тем не менее, в девяностом стихе появляется настоящий герой, ради которого на самом деле создаются все лэ («se par l'entente du con non» – «чтобы услышать о п..., не так ли»), и ирония автора становится очевидна. Автор повторяет это слово дважды на протяжении семи стихов, чтобы впоследствии заменить его на слово «развратник», которое оказывается эвфемизмом для слова п... .

Розанна Брюзеган, не цитируя М.М. Бахтина, анализирует это лэ, отсылая читателей к карнавальным переворачиваниям верха и низа, лица и изнанки: «мотив двойного названия лэ подчиняется карнавальному переворачиванию, которое заключается не в рассуждениях о материальном низе, сохраняющем значение и для куртуазной литературы, но в изображении *настоящего имени*»³¹. В «Лэ о развратнике», и в самом деле, есть снижение и осмеяние, которое может быть названо «карнавальным», – «возвышенный» сюжет и «благородный» герой здесь подвергаются явному снижению.

Мы действительно можем говорить о карнавальном моменте переворачивания в лэ, только перед нами скорее переворачивание сюжета и главного героя, переворачивание с иронически реверансом куртуазному языку и куртуазным героям лэ Марии и ее подражателям.

Начиная с сотого стиха, лэ возвращается к традиционно-изысканному стилю, но стиль этот тем не менее уже «испорчен» низким сюжетом. Таким образом, автор добивается эффекта, который схож с эффектом, производимым на читателей знаменитым стихотворением Виктора Гюго «Лунный свет»³².

По всем этим причинам нам не кажется возможным говорить о бретонском «декоре», призванным облагородить «Развратника». Скорее, бретонский декор служит, как и другие детали, для создания пародии на жанр бретонского лэ, каким оно предстает в сборнике Марии.

Итак, бретонское лэ, основанное на «бретонском материале», становится настоящим предметом пародии. Случайно ли, что слово «лэ» появляется одиннадцать раз (двенадцать, вместе с заглавием) в довольно коротком тексте из ста двадцати двух стихов? Анонимный автор создает образ бретонского лэ таким, каким оно оформилось к концу XII в. и каким оно представлено в сборнике «Лэ» Марии Французской.

Анонимные лэ свидетельствуют о том, что «Лэ» Марии пользовались успехом в определенной среде: даже если число рукописей, сохранивших ее лэ, не столь многочисленно, анонимные произведения указывают, что «Лэ» Марии были известны читателям; сочинители анонимных лэ отвечали на некий читательский спрос. Вместе с тем анонимные лэ отражают и важнейшие процессы, характеризующие в это время французскую литературу в целом: кодификацию фольклорных по своему генезису жанров, которые включаются в область литературы и получают устойчивые черты; сближение народной и ученой литературы, которое в XIII в. будет все более и более интенсивным.

Современем, однако, жанр лэ начинает восприниматься как чрезмерно «возвышенный», «благородный» и, быть может, именно поэтому слишком сказочный, – так возникает потребность в снижающей и обновляющей жанр пародии. Однако к концу XIII в. жанр бретонского лэ практически перестает существовать, хотя его отголоски спорадически появляется в текстах позднего средневековья, например, в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера.

Примечания

¹ При анализе анонимных лэ мы будем использовать издание А. Миша, которое на сегодняшний день остается наиболее полным: *Lais féériques des XIIe et XIIIe siècles*. P., 1992.

² *Ibid.* P. 60. v. 731.

- ³ Ibid. P. 60. V. 730.
- ⁴ Ibid. P. 20. V. 5.
- ⁵ Ibid. P. 108–110. V. 70–72.
- ⁶ Ibid. P. 344. V. 1.
- ⁷ Les lais de Marie de France. P., 1990. P. 248. V. 9.
- ⁸ Lais féériques des XIIe et XIIIe siècles. P. 294. V. 1–6.
- ⁹ Ibid. P. 310. V. 285–286.
- ¹⁰ Ibid. P. 296. V. 67.
- ¹¹ Ibid. P. 306. V. 214–216.
- ¹² Ibid. P. 178. V. 489–490.
- ¹³ Ibid. P. 182. V. 24–35.
- ¹⁴ Ibid. P. 182. V. 1–3.
- ¹⁵ Ibid. P. 184. V. 36.
- ¹⁶ Paris G. Lais inédit. De *Tyolet*, de *Guingamor*, de *Doon*, du *Lecheor* et de *Tydo-rel* // Romania. 1879. Vol. 8. P. 29–72.
- ¹⁷ *Tyolet*, как указано в рубрике.
- ¹⁸ Вместе с лондонским манускриптом Н, хранящим все двенадцать лэ Марии и норвежским сборником с переводами лэ. См.: Paris G. Op. cit. P. 30.
- ¹⁹ Отметим также, что в норвежском сборнике переводов лэ, «Стренглэйкар», текст этого лэ заканчивается после первого же стиха, листы с продолжением были вырваны. См.: Paris G. Op. cit. P. 32.
- ²⁰ Chevalerie et Grivoiserie. P., 2003. P. 230. V. 97. Ниже мы цитируем лэ по этому изданию.
- ²¹ Brusegan R. Le lai du Lecheor et la tradition du lai plaisant // Miscellanea Mediaevalia, Mélanges offerts à Philippe Ménard: En 2 vols. P., 1998. Vol. I. P. 256.
- ²² Paris G. Op. cit. P. 64.
- ²³ Livingstone Ch.H. Le jongleur Gautier Le Leu. Cambridge, 1951.
- ²⁴ Ménard Ph. Les lais de Marie de France, Contes d'amour et d'aventure du Moyen-Age. P., 1979. P. 77.
- ²⁵ Ibid. P. 256.
- ²⁶ Paris G. Op. cit. P. 30.
- ²⁷ Dictionnaire du Moyen Age. Littérature et philosophie. P., 1999. P. 518–519.
- ²⁸ Brusegan R. Op. cit. P. 259.
- ²⁹ «... de Bretagne la flors». V. 57.
- ³⁰ «dames les plus nobles et les plus beles», «les amors et les drüeries», «nobles chevaleries», «aventure», «franches», «cortoisies», «la proesce et la valors», «merveil», «acoler», «enbracier».
- ³¹ Brusegan R. Op. cit. P. 257.
- ³² Автор благодарит Доминика Буте за это замечание.